

Огонек №. 26 - 1972

ЖАЛЕ

"Ogonek" magazine, N26, 1972.

Jaleh poetry translated to Russian
by Inna Kashejeva

К ДУШЕ УСТРЕМЛЯЕТСЯ ДУША...

Читателям «Огонька» знакомо имя Жале — иранской поэтессы, живущей в Советском Союзе. В 1969 году в нашем журнале был опубликован цикл ее стихов «Любви золотой соловей». В новую подборку входят произведения, написанные в последнее время, которые поэтесса посвящает Институту мировой литературы имени М. Горького.

не могут без помощи и без поддержки
других.
Я долго пыталась вечного счастья
почувствовать суть.
Я много скиталась и в ней разобралась
чуть-чуть.
В космической мгле — великанские
наши пути.
Но вот на земле мы друг друга порой не
умеем найти...
Когда люди вместе: беда ли, нужда ли,
страда,—
они неразрывны, как в песне мотив и
слова.

И пусть непохожи цвет кожи,
язык,
материк,
есть общее все же в стремленьях чужих
и моих.
За тысячу тысяч дорог я до истины верной
дошла:
и нашего счастья залог,
чтоб к душе устремлялась душа.

Лес молчит, как шумит... Оттого ли,
с жадной песен в рассветы спеша,
молода от любви и от боли,
откликается лесу душа?

Но не надо гадать и не надо
сочинять за того мотылька,
что летит на огонь листопада,
как душа — на огонь маяка.

Столько листьев, как будто на свете
никого, ничего уже нет,
кроме пущенных лесом на ветер
золотых невесомых монет!

И дерев обнаженную правду
вдохновенная птица поет,
отдавая себя листопаду,
словно лист, замедляя полет.

Я люблю бесконечное это
царство тайн, открытий, чудес.
Как душа, полон тени и света
мой собрат, мой товарищ, мой лес.

Так живет он, как я бы желала,
и готов к приговору костра,
потому что умрет, чтобы стало
в мире больше тепла и добра.

Морской закат

Леса, отражаясь, пылают
в огне предзакатных костров,
иголками сосен сшивают
разорванный шелк облаков.
Но недолговечна заплатка,
и в том виновата волна,—
лучом озорного заката
опять в миг один прожжена.
О, как эта штопка нелепа!
Не выйдет из этого толк:
сливаются море и небо,

и вновь разрывается шелк.
Где бездна, где высь — неизвестно,
ушла глубина в высоту...
И чайка, морская невеста,
встречая закат, на лету
свою примеряет фату.
Тяжелая синь небосвода,
воды невесомой шитье...
Парит надо мною свобода
на пламенных крыльях ее.
Ни бури она не боится,
ни жгущего море огня...
О, белая чайка — страница
для повести нового дня!
Листая простор этот звонко,
влетая в любые ветра,
похожа она на ребенка,
бегущего к морю с утра.

Соловей

Почему-то веками считает народ,
что в саду соловей лишь для розы поет.
Знаю я эту сказку наивную.
А поет соловей

для подружки своей,
он влюблен в свою трель соловьиною.

Соловей прилетает в полуночный сад,
чтоб для песен собрать аромат,
роз цветущих дыханье весеннее.
Ему пышная роза нужна для того,
чтобы слышала в полночь подружка его
благоуханное пение.

Вьют всегда соловьи
в розах гнезда свои,
лепестки их — любви оперение.
Если розу сорвешь,
ты струну оборвешь
самозабвенного пения.

А легенда в народе веками живет,
что в саду соловей лишь для розы поет...
Но поет соловей
для подружки своей!

Подарок

Сказали мне, что девушка одна
тому, в кого впервые влюблена,
в подарок принесла мои стихи...
О, сила и бессилие строки!
И в час, когда бутоны неспроста
вдруг разомкнули алые уста;
и в час, когда, глаза от сна открыв,
позеленело озеро от ив;
и в час, когда тюльпан, дитя полей,
следил с земли за танцем журавлей,
они мои стихи читали вслух,
покуда день весенний не потух.
Что может быть дороже и милей
курлыканыя влюбленных журавлей
и тех двоих, чей мир так чист и строг,
приникших, как друг к другу, к тайне строки!

Перевела с персидского
Инна КАСШЕЖЕВА

Его крик

О покупатели живых машин!
Я продаю свои стальные мышцы.
Все тело целиком, но без души —
пустую клетку без поющей птицы.
Я раб восставший,
ставший саблей плуг.
Недаром я старался бесконечно
разгрызть в цепях, сковавших силу рук,
хоть малое проклятое колечко.
В моей груди кровавый молот бьет
по наковальне вызревшего гнева.
Цепей упавших звон — одна из нот
предутреннего нового напева.
О покупатели живых машин!
Свободный раб, покорный господину,
хоть без цепей — себе не господин...
Купите же дешевую машину!
Всю силу я за пулю отдаю,
которую в того раба вобью,
что перед вами гнет смиренно спину!

Светлая связь

Я тысяча первая в тысячной тысяче тысяч.
Я искорка жизни... Меня бы могли и
не высечь.
Но как Шахразада к тысяче
ночь прибавляла одну,
так маленькой искры — меня — не хватало
большому огню.
Я верила в сказки, мечтала... И, может быть,
я лишь светлые краски предпочитала
для бытия?
Но мир благородства, мир добрых и
честных людей
вмещал и уродства и скотство...
Делили его Человек и злодей.
Но было в них общее, в этих святых и
дурных: